

УДК 93(930.85)
DOI: 10.17223/19988613/65/8

С.Г. Федоров

МАТЕРИАЛЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На основе архивных документов Курганского и Шадринского уездов рассматриваются особенности правовой культуры русской деревни южнозауральского региона. Доказывается историческая ценность материалов волостных судов для изучения экономической, социальной, демографической, культурной жизни деревни в Южном Зауралье. На основе решений волостных судов устанавливается возможность реконструкции правовой жизни и правового поведения русских крестьян южнозауральской общины во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: обычное право; волостной суд; правовая культура; южнозауральская община.

Судебная реформа 1864 г. в России фактически законодательно закрепила раскол российского общества в правовой жизни на две неравные части как в количественном, так и в качественном отношении – российское крестьянство и все остальные сословия. Большая часть населения Российской империи оказалась за бортом этой реформы, вне сферы действия официально-нормативного права. На этот серьезный недостаток судебной реформы указывали многие современники. Отмечалось, что имперская администрация осознанно пошла на этот шаг, считая, что российское крестьянство, только освободившись от крепостной зависимости, еще не было готово к правовой жизни по официально-нормативным установлениям в силу своей неграмотности, а главное – приверженности традиционным нормам обычного права, господствовавшего в русской деревне.

В исторической и юридической науке с 40-х гг. XIX в. по настоящее время не утихает дискуссия об обычном праве и волостных судах, осуществлявших реализацию его норм. Весьма примечательно в этом отношении высказывание одного из противников обычного права А.Н. Обнинского: «Напасть на след какого-либо юридического обычая в чистом и сжатом значении этого термина нам ни разу не приходилось. Юридический обычай нам представляется тем привидением, которое кому-то являлось, но которого сами мы никогда не видали, о котором суеверные люди говорят очень много, очень доказательно, но в которое все-таки от этого не верится человеку, суевериями человеку еще не тронутому» [1. С. 39–40].

Этой точке зрения на обычное право противостояли теории многих сторонников существования обычного права в крестьянской среде. В частности, А.А. Леонтьев, иронизируя над высказыванием А.Н. Обнинского, указывает, что такие видные юристы, как С.В. Пахман, И.Г. Оршанский, Б.А. Кистяковский и др., построили целые системы обычно-правовых институтов и создали обычно-правовые теории, видно, не иначе как «благодаря своему суеверию и склонности к галлюцинациям» [Там же. С. 40].

В целом в исторической и юридической науке в настоящее время доказано, что обычное право было

одной из составляющих русской крестьянской культуры и оказывало существенное влияние на правовое поведение российского крестьянства, и большинство исследователей придерживаются именно такой точки зрения [2–7].

Волостные суды с 1861 г. при рассмотрении исковых заявлений прежде всего руководствовались ст. 107 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. «При рассмотрении тяжёбного дела в самом волостном суде судьи, по выслушании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую, и каким образом должно последовать удовлетворение. Если тяжущиеся стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решит дело либо на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» [8. С. 157]. Многие историки и юристы отмечали, что в самой формулировке данной статьи заложено серьезное противоречие, которое в дальнейшем определило всю деятельность волостных судов. Противоречие заключалось в том, что волостные суды при вынесении судебных решений не только должны были руководствоваться в первую очередь нормами обычного права, но также использовать и право официально-нормативное. Именно поэтому исследователи обратили серьезное внимание на материалы волостных судов, которые стали предметом их пристального изучения [1, 9–11].

Эти материалы волостных судов стали важнейшим юридическим и историческим источником правовой жизни русского крестьянства. Более того, решения волостных судов выявляли особенности и уникальность правовых обычаев различных регионов Российской империи, что позволяло историкам и юристам делать определенные выводы о правовой культуре местного населения.

Южнозауральский регион в этом отношении имел как общие, так и свои особенные отличительные черты. В архивах волостных правлений Курганского и

Шадринского уездов Тобольской и Пермской губерний сохранились записи решений волостных судов. Уникальность этих архивов заключается в том, что по ним можно проследить фактически всю правовую жизнь русского крестьянства с 1861 по 1917 г., когда происходили важные структурные перемены во всех областях жизни российского общества и государства. Материалы волостных судов дают вполне определенное представление о повседневной, бытовой и юридической жизни местного крестьянина и тех исторических условиях, в которых он жил.

Следует отметить ограниченность судебно-правовой деятельности волостных судов. «Волостные суды рассматривали вопросы, относящиеся к уголовному, административному и гражданскому праву. К уголовной юрисдикции волостного суда относились мелкие преступления, такие как кража и мошенничество в пределах пятидесяти рублей, нанесение побоев и пр. К административному праву относились вопросы нарушения порядка в общине... хулиганство, публичное оскорбление, мотовство и пьянство, другие аналогичные проступки. В сфере гражданского права рассматривались имущественные споры до ста, а позднее – до трехсот рублей, дела по наследованию, разделу имущества, выделу из крестьянского надела, а также трудовые споры, нарушения договора найма, сроков выполнения работ, невозвращение задатка и т.д.» [12. С. 3].

Изучая материалы волостных судов, в определенной мере можно составить гендерную и социальную картину южнозауральского крестьянского мира второй половины XIX – начала XX в., изучить общее и особенное в традиционных правовых воззрениях русских крестьян южнозауральской и сибирской деревни.

В подавляющем большинстве дел, рассмотренных волостными судами, писарем практически всегда указывались: пол, сословная принадлежность, вероисповедание истца (реже) и ответчика. Несмотря на то, что южнозауральский регион традиционно являлся прибежищем старообрядцев и представителей других религиозных сект, вероисповедание тяжущихся мало влияло на решения волостных судей. Заметных конфликтов на религиозной почве между старообрядцами и никонианами в материалах волостных судов также не было зафиксировано. Исключение составляет лишь незначительная часть дел. Например, тяжба по имущественной сделке от 16 марта 1893 г., когда Глядянский волостной суд отклонил просьбу ответчика в отводе свидетелей «на том основании, что как проситель, так и свидетели раскольники» [13. Л. 20].

Другой важной особенностью южнозауральской крестьянской общины являлся миграционно-колониционный характер ее формирования и развития. Зауралье и Сибирь с XVI в. превратились в объекты народной и государственной колонизации. Значительную роль в колонизации этих регионов первоначально в первой половине XIX в. играла ссылка, а затем, во второй половине этого же века, переселенчество. Поэтому уже со второй половины XIX в. в исторической и юридической науке был поставлен дискуссионный вопрос о влиянии ссылки и ссыльнопоселенцев на правовую культуру местной общины [14]. На наш

взгляд, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что ссыльнопоселенцы играли незначительную роль обычно-правовых традициях и правовой культуре русских крестьян, живших на территории Южного Зауралья [15–17]. Это доказывают и дела волостных судов Курганского уезда, в которых всегда отмечалось, являлись ли истец или ответчик ссыльнопоселенцами. На основании анализа и подсчета волостных дел Глядянской, Чинеевской, Кислянской волостей Курганского уезда «наибольший процент дел со ссыльнопоселенцами зарегистрирован в 1882 г. в Глядянской волости – 23%, наименьший в 1909 г. – 1% в Чинеевской волости. Из архивных данных нам не удалось выяснить точное число ссыльнопоселенцев и определить их процентное соотношение к общей численности населения в данных волостях в рассматриваемый период. Однако, судя по материалам волостных судов, можно сделать вывод, что число ссыльнопоселенцев в волостях Курганского уезда в конце XIX – начале XX в. было незначительным» [12. С. 101].

Судебные волостные дела дают также представление о преступлениях и правонарушениях, совершаемых ссыльнопоселенцами. С 1871 по 1913 г. наибольшее количество исков, рассмотренных волостными судами с участием ссыльнопоселенцев, составили долговые иски (долг по работе, долг по сделке, долг «по лавке»). В 70–90-х гг. XIX в. преобладали долговые иски за работу, что объясняется, прежде всего, тяжелым материальным положением ссыльнопоселенцев, которые были вынуждены наниматься на работу к крестьянам-старожилам. 17 ноября 1885 г. в Глядянском волостном суде крестьянин-ссыльнопоселенец деревни Худяковой Никита Антонов Головин «жалуется на крестьянина села Глядянского Харлампия Яковлева Боброва, что он не платит за пастьбу летом сего года за его овец 5 руб. 85 коп., высчитывая эти деньги за то, что при разборке осенью сего года овец, оказались потерянными будто бы им пять овец. Между тем, овец этих Бобров ранее пас сам и ему табун сдал без счету... Пять овец Бобров потерял сам, а не он, поэтому и просит взыскать с Боброва причитающиеся ему деньги. Ответчик Бобров показал, что деньги платить не согласен, так как Головин утерял из его табуна пять овец... Принимая во внимание, что Бобров, отдавая пасти Головину овец, не пересчитал их, поэтому не знает, сколько овец было, поэтому не может доказать, действительно овец потерял он (Головин); вследствие этого Бобров обязан уплатить деньги: 5 руб. 85 коп.» [18. Л. 33 об.].

Второе место по количеству судебных исков с участием ссыльнопоселенцев занимали земельные споры двух основных видов: отобрание надела и долг по земельной аренде. Количество таких исков составило около 20% от общего числа исковых заявлений в волостных судах. Во второй половине XIX в. преобладали иски об отобрании надела у ссыльнопоселенцев, что было связано с бедностью и нехваткой у них средств для обработки выделенного обществом надела. В результате этого ссыльнопоселенцы надел часто забрасывали и изыскивали другие средства существования. В начале XX в. в связи с ростом переселенче-

ского движения в Сибирь, и в частности в Южное Зауралье, цена земельного надела растет, он часто становится объектом скрытой купли-продажи и аренды. Ссылнопоселенцы при этом довольно активно втягиваются в капитализирующиеся земельные отношения, что опять же доказывают материалы волостных судов, в которых ссылнопоселенцы выступают не только в качестве арендопользователей, но и в качестве владельцев земельных участков.

Другим видом распространенных преступлений и правонарушений среди ссылнопоселенцев являлись незаконные лесные вырубки в казенных, общинных и наделных участках. Массовые лесные вырубки в лесных дачах в конце XIX – начале XX в. превратились в заурадное явление из-за ослабления надзора в процессе пореформенной ломки системы землепользования и превращения леса в важнейший источник дохода.

17 ноября 1887 г. Глядянский волостной суд рассматривал иск крестьянина деревни Разломайки Давида Семенова Константинова к однодеревенцу крестьянину-ссылнопоселенцу Лаврентию Семенову Аликбасову. Константинов жаловался суду, что Аликбасов тайно вырубил из его лесного пайка днем 8 штук лесин, поэтому просил взыскать с ответчика 10 руб. Ответчик на суде сознался и готов был уплатить 3 руб. Волостной суд решил не подвергать наказанию Аликбасова за самовольную порубку, но взыскал с него деньгами 6 руб. в пользу истца [19. Л. 29].

Кражи ссылнопоселенцев у старожилов южнозауральской деревни, которые разбирались в волостных судах Курганского уезда, не были редким явлением и составляли 12% от общего количества дел с участием ссылнопоселенцев. Далее следовали иски о потравах, а также иски об оскорблениях словом и действием; следует отметить, что их было незначительное количество. Иски о преступлениях против мира с участием ссылнопоселенцев тоже были редким явлением в волостных судах.

Таким образом, не следует преувеличивать ссылнопоселенческий характер южнозауральской деревни. Ссылнопоселенцы, несомненно, играли определенную роль в росте преступности среди крестьян, в то же время эта роль была незначительной, что объяснялось как небольшим количеством ссылнопоселенцев в южнозауральской деревне, так и силой обычно-правовых традиций крестьянского мира, следование которым являлось необходимым и важнейшим условием их дальнейшего пребывания в данной местности.

В волостных судах рассматривались дела не только крестьян, но и представителей других сословий, прежде всего мещан и купцов. Отличительной особенностью экономического развития Сибири являлось возникновение и развитие сибирского кооперативного маслоделия. Были созданы Союз сибирских маслодельческих артелей и Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства. В одном только Курганском уезде к 1900 г. насчитывалось 60 маслодельных заводов. Заводчики были одновременно и лавочниками. Они принимали молоко у крестьян по более

высокой цене, зато расплачивались товаром из своей лавки. 20 июня 1907 г. Глядянский волостной суд рассматривал исковое заявление на сумму 27 руб. 73 коп. к крестьянину села Глядянского Василию Лукину Вахромееву под сдачу молока. Истцом выступал мещанин Иван Терешин, доверенный Санкт-Петербургского купца первой гильдии Волкова, владельца молочного завода. Ответчик на суде признался, что брал деньги, но не под сдачу молока, а в счет жалованья за службу рабочим на Глядянском заводе Волкова. Ответчик не отработал взятые деньги на заводе и не сдавал молока, поэтому иск истца волостной суд удовлетворил [20. Л. 110–113]. 20 февраля 1910 г. волостной суд рассматривал гражданское дело между Разломайским и Глядянским маслодельными товариществами, с одной стороны, и Глядянским маслодельным заводом – с другой. Завод оказался должным товариществам «за маслодельные инструменты» 80 руб. Иск истцами был доказан и утвержден в пользу маслодельных товариществ [21. Л. 53].

Кооперативные маслодельные иски в волостных судах Курганского уезда позволяют сделать следующие выводы: крестьяне Южного Зауралья активно втягивались в новые капиталистические отношения, кроме того, существенно трансформировалась и правовая культура местных крестьян. Гражданские хозяйственные споры уже не решались на традиционном уровне с помощью обычно-правовых норм и институтов. Теперь крестьяне, как правило, обращаются к официально-нормативному праву, об этом свидетельствует рост количества подобных исков. И хотя гражданские иски крестьян первоначально рассматривались низшей судебной инстанцией коронной администрации – волостными судами, крестьяне всегда имели возможность опротестовать решения волостных судов в более высоких судебных инстанциях.

Другая важная историческая информация, которую можно получить из материалов волостных судов, – это информация гендерная. Анализ архивных материалов дает довольно четкую картину экономического, социального и правового положения южнозауральской женщины. Следует отметить, что это положение значительно отличалось от положения женщин в других регионах России. Подобная ситуация сложилась из-за ряда причин. Прежде всего, значительную роль играла демографическая ситуация, сложившаяся в Сибири в конце XIX – начале XX в. В силу миграционно-колониационного характера формирования населения этого региона мужское население преобладало в нем над женским. «В Памятной книжке Енисейской губернии на 1909 г. отмечается, что даже в 1906 г. в Сибири на 100 мужчин приходилось лишь 84 женщины» [22. С. 184]. Такое соотношение численности мужчин и женщин приводило к тому, что социальное и семейное положение женщины в данном регионе было несколько лучше по сравнению с Европейской Россией.

Обычно-правовые традиции Сибири обеспечивали женщине ряд хозяйственных и имущественных прав. Более того, в случае смерти мужа при несовершеннолетних детях нередко были случаи, когда женщины

самостоятельно вели семейное хозяйство, и надел, которым когда-то наделялся муж, передавался вдове вместе с различными оброчными статьями [8. С. 128]. Довольно часто южнозауральская женщина выступала в качестве истицы и ответчицы в волостном суде. 14 февраля 1889 года крестьянская вдова деревни Полусальской Липа Григорьева Завьялкова предъявила иск крестьянской жене деревни Полусальской Екатерине Тихоновой Завьялковой, отставному рядовому деревни Полусальской Тихону Львову Катайцеву, отставному рядовому села Глядянского Павлу Иванову Меншикову. Завьялкова, Катайцев и Меншиков «нанесли Липе Григорьевой Завьялковой побои днем 10 числа февраля месяца, что видели крестьянин Дмитрий Пустозеров и крестьянский сын Тимофей Завьялков, поэтому и просит наложить на них наказание на основании 518 ст. XII т. II ч.». Свидетели подтвердили показания истицы. Волостной суд, принимая во внимание показания свидетелей, постановил: «Отставных рядовых Катайцева и Меншикова подвергнуть аресту на 6 суток, а Завьялкову приговорить к общественным работам на 5 дней». Ответчики 9 марта 1889 г. обжаловали решение волостного суда в вышестоящей инстанции. Однако Курганское окружное по крестьянским делам присутствие обжалование оставило без последствий [23. Л. 5–6]. Интересно, что южнозауральские крестьянские женщины подавали судебные жалобы в волостной суд не только на однодеревенцев, но и на должностных лиц сельской общины. 15 июня 1887 г. «крестьянская вдова села Глядянского Татьяна Ларионова Беляшова жалуется на земляных старшин Василия Меншикова, Ермолая Меншикова и Александра Серебрякова, что они, несмотря на неоднократные ее прозбы, не наделяют ее хорошей землей наравне с другими. Мы, волостные судьи, принимая во внимание то, что дела об общинном пользовании землей подлежат ведению не волостного суда, а сельского схода, постановили: в жалобе Беляшовой на земляных старшин отказать, представив ей право по этому делу просить сельский сход» [18. Л. 17–18].

Положение в семье южнозауральских женщин также было более свободным по сравнению положением женщин Европейской России. В волостных судах нередко встречаются жалобы супругов друг на друга. Мужья жалуются на «безвестное» отсутствие жен и их развратное поведение. Жены, чьи обращения встречаются куда чаще, жалуются на жестокое обращение со стороны супруга, пьянство и «нерадение о хозяйстве». Церковное, да и обычное крестьянское право требует, чтобы муж и жена, живя совместно, «должны жить любовно и не развратничать». При нарушении этого правила жене мог быть назначен арест, а мужу наказание розгами. Мужчин также наказывали за разврат арестом или штрафами, но позорящие наказания применялись гораздо реже к мужчинам, чем к женщинам [24. С. 70].

16 июня 1896 г. в селе Замараевское Шадринского уезда, сотским был задержан с ножом пьяный крестьянин из деревни Ковриги Егор Мурзин. Основанием для «буйного поведения» Мурзина стало желание вернуть себе бывшую любовницу Феклу Важенину, жену

местного крестьянина Ивана Яковлева Важенина, в чем сам Мурзин сознался на предварительном расследовании. На расспросы сотского он ответил, что явился в село Замараевское, поскольку «он думает отнять» жену Важенина. Из дальнейшего изучения дела становится видно, что означенная Фекла Важенина ушла к Мурзину, с которым «находилась в противозаконном сожительстве более в двух лет». Муж ее, проезжая через деревню Ковриги, забрал жену к себе домой. По всей вероятности, во время пьянки Мурзин вспомнил старую любовь и решил вернуть ее к себе силой, а мужа ее убить. Во всяком случае, такое предположение выдвигают сотский Шилов и Важенин [25. Л. 32].

В случаях нарушения супружеской верности женой муж имел полное право «учить» ее, а если развратное поведение становилось широко известным на селе, то женщину наказывали розгами или применяли позорящие наказания (острижение волос и т.п.). За прелюбодеяние жены муж во время самосуда довольно часто переходил границы «допустимого наказания», установленного нормами обычного права. «Крестьянин Шадринской волости Барнаульского округа сделал над женой своей Степанидой такое циническое и варварское надругательство, что мы не находим приличных слов для описания его поступка. Из другого дела, произошедшего в 1865 г., видно, что крестьянин Верхне-Каинской волости Каинского округа Андрей Сартаков, услышав о дурном будто бы поведении жены своей Александры во время отлучки его на золотые промысла, завел ее в баню и сек розгами так жестоко, что она через пять дней умерла» [26. С. 26]. При исследовании дел волостных судов мы пришли к выводу, что в последней трети XIX в. в южнозауральском регионе семейные измены чаще всего разбирались обычно-правовыми судебными институтами деревни – судом стариков, мирской сходкой, нежели волостными судами. Об этом может свидетельствовать небольшое количество дел о супружеских изменах, рассмотренных волостными судами.

Можно сделать вывод, что, несмотря на довольно эмансипированное положение женщины в Южном Зауралье, как в российской, так и в южнозауральской сельской семье в конце XIX – начале XX в. основными ценностями по-прежнему являлись коллективизм, благополучие всей семьи, а не отдельных ее членов, жесткая семейная иерархия, подчинение жены мужу, строгое следование общинным местным традициям и т.д. Примечательно, что Южном Зауралье число дел в волостных судах с участием женщин в начале XX в. возрастает по сравнению с концом XIX в., что свидетельствует о дальнейшем развитии эмансипации южнозауральской женщины, связанной, в свою очередь, с экономическими, социальными и культурными последствиями модернизации в России.

Таким образом, решения волостных судов, на наш взгляд, являются ценным историческим источником сельской жизни России и ее регионов и дают довольно полное представление об экономической, социальной и культурной жизни русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Кроме того, решения волостных судов могут быть использованы исследователями

и как юридический источник для составления картины правовой культуры русских крестьян в изучаемое время.

При анализе особенностей судебной волостной системы Южного Зауралья в начале XX в. преимущественно были использованы решения Глядянского волостного суда Курганского уезда Тобольской губернии – типичной среднестатистической волости Курганского уезда. Данный выбор был обусловлен тем, что в архивных фондах ГАКО Глядянское волостное правление представлено наиболее полно и насчитыва-

ет 619 дел за 1886–1917 гг. Конечно, следует учитывать, что судебная информация по одному волостному суду ни в коей мере не дает полного представления об особенностях обычно-правовой культуры крестьян Южного Зауралья, а тем более всей Сибири, но определенную юридическую картину правовой жизни крестьянского мира все же составить вполне возможно.

Для анализа нами произвольно были выбраны семь лет с 1890 по 1913 г., периода, когда модернизация во всех сферах жизни общества и государства России шла полным ходом (таблица).

Правонарушения и преступления крестьян Глядянской волости Курганского уезда Тобольской губернии в отдельные годы конца XIX – начала XX в.

Виды крестьянских преступлений и правонарушений	1890	1900	1905	1907	1910	1912	1913
I. Земельные споры	4	3	2	28	50	33	24
1) отобрание надела	4	2	1	19	30	25	16
2) долг по аренде	–	1	1	9	20	8	8
II. Разделы имущества	9	5	4	16	36	11	7
1) между супругами	1	–	2	4	10	2	1
2) между супругами и родственниками	2	1	2	2	10	4	2
3) между детьми и родителями	4	3	–	4	5	3	4
4) между братьями	2	1	–	6	11	2	–
III. Взыскание долга	18	20	14	85	167	78	42
1) долг по «лавке»	–	–	–	28	16	14	12
2) долг по векселю	1	–	–	–	20	7	–
3) долг по сделке	8	10	7	27	93	31	8
4) долг по работе	9	10	7	16	22	16	14
5) долг по «маслоделию»	–	–	–	14	16	10	8
IV. Опекунские дела	3	–	2	3	11	5	2
V. Потравы	18	16	15	37	42	9	14
VI. Иски за службу и общественные работы	2	–	2	3	4	3	1
VII. Должностные преступления	–	–	1	1	3	–	–
VIII. Преступления против мира	4	1	–	6	7	3	2
IX. Уголовные дела	19	31	20	55	108	66	23
1) порубка леса	–	2	4	9	14	3	–
2) оскорбления действиями	4	8	4	16	23	18	12
3) оскорбления на словах	5	8	4	12	28	18	–
4) нанесение имущественного вреда	6	8	5	12	25	17	7
5) кражи	4	5	3	6	18	10	4
X. Дела, содержание которых неизвестно	2	3	4	5	25	4	–
Всего	79	79	64	239	453	212	115

Примечание. Таблица составлена по: ГАКО. Ф. 129. Оп. 1.

Прежде всего обратим внимание на количество дел, рассмотренных Глядянским волостным судом в разные годы. Пик (453 дела) таких дел приходится на относительно «спокойный» 1910 г. Примечательно, что в революционный 1905 г. в волостном суде было рассмотрено всего 64 гражданских и уголовных дела, меньше, чем в 1890 г. (79 дел). Но к 1907 г. преступность в Южном Зауралье, и в частности в Глядянской волости, значительно возросла: количество дел в Глядянском волостном суде увеличилось почти в 7 раз. В предвоенном 1913 г. наблюдается определенный спад исковых заявлений по сравнению с 1907 г. Однако если в конце XIX – начале XX в. количество исковых заявлений оставалось почти на одном уровне, то к 1913 г. отмечается их рост почти в 1,5 раза.

Обращает на себя внимание графа «Дела, содержание которых неизвестно». В данную графу попадают дела о мелких правонарушениях или с незначительной исковой суммой. Рассмотрение таких дел переносилось на следующее заседание волостного суда либо

вообще отклонялось, если истец и ответчик, а также свидетели не являлись на суд, не представив объяснений своих «прогулов». Следует отметить, что южнозауральские крестьяне были достаточно «дисциплинированными» и довольно редко не являлись на заседания волостного суда, о чем свидетельствует примерно одинаковый уровень нерассмотренных дел как в конце XIX, так и в начале XX в. Исключение составляет 1910 г., когда дела, содержание которых неизвестно, составили 5,5% от общего количества дел.

Анализируя земельные споры, рассматриваемые волостным судом в 1890–1913 гг., следует отметить, что их количество значительно возросло. Если в 1890 г. таких споров в Глядянской волости было всего 4, то в 1910 г. – 50, т.е. их число выросло в 12,5 раз. К 1913 г. наблюдается определенное снижение земельных споров, но все равно по сравнению с 1890 г. их количество больше в 6 раз.

На наш взгляд, этот рост связан с развитием земельных отношений и модернизационных процессов

в Южном Зауралье, в частности, с ростом переселенческого движения и реализацией столыпинской аграрной реформы. Вышеозначенные процессы повлияли на развитие арендных земельных отношений. Если в 1890 г. в Глядянском волостном суде вообще не рассматривались споры по земельной аренде, то в 1913 г. таких споров было 8, а в 1910 г. – 20.

Весьма интересны данные по взысканию долга крестьян друг с друга через волостной суд. Этот статистический материал свидетельствует о капитализации и развитии товарно-денежных отношений в южнозауральской деревне. Например, судебные тяжбы по оплате проделанной работы между наемным работником и нанимателем с 1890 по 1913 г. возросли в 2,5 раза, по долгам по сделкам – в 11 раз. С развитием маслодельческого кооперативного движения в Южном Зауралье появились новые виды исковых заявлений, которые в волостных судах определялись как «долг по лавке» (взыскание долга с крестьян, задолжавших сельским кооперативным магазинам или магазинам, принадлежавшим местным купцам или торговцам) и «долг по маслоделю» (взаимобразные искивые заявления крестьян к маслодельским кооперативам и маслодельским кооперативам к крестьянам за сданное или переработанное сырье – молоко, масло и т.д.). Эти новые виды исковых заявлений составили в 1907 г. 17,5 % от общего числа всех исковых заявлений, в 1910 г. – 7%; в 1912 г. – 11%; в 1913 – 17%.

На основе решений волостных судов, на наш взгляд, можно составить определенную картину о состоянии и развитии семейных отношений в южнозауральской деревне. При этом можно использовать искивые заявления о семейных разделах движимого имущества. В 1890 г. таких исков было 9, что составило 11% от общего числа всех исковых заявлений, причем почти две трети исковых споров составили споры (вернее, разделы) между родителями и детьми и между братьями. Но к 1907–1913 гг. процент исковых заявлений по семейным имущественным разделам снижается до 6%. В то же время, по нашему мнению, здесь следует учитывать, что редко семейные споры по разделу имущества доходили до судебного разбирательства.

Незначительное количество дел в волостных судах связано с функционированием и деятельностью южнозауральской общины (иски за службу и общественные работы, должностные преступления, преступления против мира). Самый высокий процент (7,5%) таких дел приходится на 1890 г., затем, в начале XX в., на протяжении 1900–1913 гг. этот показатель колебался от 1,2 до 4,6%. На наш взгляд, данные цифры свидетельствуют о достаточной «прочности» южнозауральской общины, ответственности выборных сельских лиц и самих крестьян – членов общины – перед миром.

Обратимся теперь к анализу уголовных дел, рассмотренных Глядянским волостным судом с 1890 по 1913 г. Волостной суд рассматривал следующие виды головных преступлений и правонарушений: незаконная вырубка казенных лесов и надельных лесных дач, оскорбление действием, оскорбление на словах, нанесение имущественного вреда (в незначительном денежном размере), мелкие кражи.

В целом количество дел по уголовным преступлениям, которые рассматривал волостной суд, с 1890 по 1913 г. составляло довольно значительную долю: 1890 г. – 24%, 1900 г. – 39%, 1905 г. – 31%, 1907 г. – 23%, 1910 г. – 24%, 1912 г. – 31%, 1913 г. – 20%.

Незначительную часть составляли дела о незаконной вырубке казенных лесных угодий: от 1,4 до 6%. Такая ситуация, на наш взгляд, сложилась из-за существовавшего принципа «старозаимочности», когда старожилы, пользуясь правом захватного землевладения и богатством лесных угодий, присваивали себе лесные участки, ставили на них строения и объявляли их своей собственностью. Такой принцип «старозаимочности» был одной из обычно-правовых традиций южнозауральской общины.

Пик дел, связанных с хулиганством в деревне (оскорбление действием и оскорбление на словах), приходится на 1900 г. – 39%. Другую значительную часть уголовных дел составляли дела о нанесении имущественного вреда (например, «выбитие окон», «убийство» поросенка и т.д.) и кражах. Пик таких дел (16%) приходится также на 1900 г.

На наш взгляд, вряд ли в данном цифровом материале можно усматривать тенденцию к снижению уровня преступности в южнозауральской деревне. Динамика уголовных дел в волостных судах связана, скорее, с другими процессами. Царское правительство в начале XX в. решило очистить обычное право и действующее законодательство от наиболее устаревших юридических норм, превратить крестьян в реальных субъектов гражданского права, освободив их от опеки общины и завершив формирование в деревне истинного понятия частной собственности. «Временные правила» требовали соблюдения обычного права в гражданских делах, но в делах уголовных суды должны были руководствоваться только общими уголовными законами в пределах их компетентности. Вследствие этого область обычного права была существенно сужена. В ходе дальнейшей реформы, продолжавшейся до 1917 г., крестьяне получили значительные права и возможности. Таким образом, закон дал крестьянам полные и равные с другими сословиями права, сделав их полноправными субъектами гражданско-правовых отношений. Поэтому крестьяне в начале XX в. предпочитают даже в делах, связанных с мелкими уголовными преступлениями и правонарушениями, обращаться не в волостной суд, а в суды более высокой инстанции. «Собственным волостным судам крестьяне мало доверяют, к судам же государственным относятся с большим уважением... Коронного судью водочкой не угостишь, чайком не попотчуеть... Кроме того, государственный суд при разбирательстве дела руководствуется законом; волостной же суд редко в закон глядит, решает дела более по крестьянскому обычаю, а под прикрытием местного обычая можно творить какие угодно беззакония», – отмечено в обобщающем исследовании князя В.В. Тенишева [27. С. 15].

При анализе решений волостных судов может возникнуть вопрос о достоверности, информативности и ценности исследуемого источника: можно ли на его материалах составить довольно полное представление о правовой культуре местных крестьян?

Одним из существенных недостатков решений волостных судов как источника его является недостаточная полнота информативности. Довольно часто в книгах решений волостных судов указывалась просто сумма иска, однако суть исковой жалобы не раскрывалась. Или же в книге решений фиксировалась довольно расплывчатая формулировка жалобы: «нанесение вреда», однако какой вред был нанесен и в чем он заключался, писарем при разборе дела не пояснялось. Это происходило вследствие разных причин. Чаще всего, если дело решалось до следственного разбора за примирением сторон: ведь одной из важнейших функций волостного суда по предписанию коронной администрации являлось улаживание спора миром до судебного разбирательства, либо вследствие небрежности и лености писаря, не записывавшего суть искового заявления.

Важной особенностью обычно-правовой культуры русского крестьянства являлось его сутяжничество и страсть к кляузничеству. В волостных судах было большое количество как исков на незначительные суммы, так и жалоб на ничтожные правонарушения односельчан. В.В. Тенишев приводит довольно забавный пример сутяжничества, называя его пустяком. «В 1888 г. 21 августа за № 23 в книге суда записана жалоба: пришел ко мне в дом в пьяном виде Игнатий Степанов, сиделец питейного заведения, при селе Покрове, вышел в сени, нассал в кадку с водой, из которой, не зная этого, налили в самовар, и пило все семейство, через которое все семейство опоганилось. Прошу привлечь Степанова к законной ответственности. (Новгородск. губ. Череповецк. у. Власов)» [27. С. 19]. Исследователь предполагает, что сутяжничество было больше развито среди государственных крестьян, чем среди бывших помещичьих. Это подтверждают и иски южнозауральских крестьян. В волостных судах Курганского уезда довольно часто разбирались жалобы на «убийство» домашних животных, вырывание огуречной ботвы и пр. Среди южнозауральских женщин оскорблением действием считалось срывание платка или шали. За это обидчики довольно часто несли уголовную ответственность в волостных судах. Так, в 1905 г. Глядянским волостным судом была рассмотрена жалоба, в которой истица обвиняла ответчика в том, что он, будучи пьяным, сел к ней на колени, сорвал шаль и платок. Истица требовала с ответчика за оскорбление действием 5 руб. Ответчик, так как был пьян, не помнил своих действий, но 5 руб. уплатить был согласен. Иск был удовлетворен [28. Л. 127 об.–128].

Довольно сложно по книгам решений волостных судов определить, какими обычно-правовыми традициями данной местности руководствовались судьи при вынесении тех или иных судебных решений, так как специально такие традиции не фиксировались и ссылок на них в книгах решений судов не было. Напротив,

очень часто судебные решения по различным исковым спорам базировались на официально-нормативном праве. В архивных судебных материалах можно нередко обнаружить ссылки на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., входивший составной частью в Судебные Уставы, при принятии того или иного судебного решения. Таким образом, решения волостных судов как исторический и юридический источник имеют определенные недостатки, как, впрочем, и любой источник.

В то же время ценность данного источника не вызывает сомнений. Как исторический источник решения волостных судов дают представление об экономической, демографической, социальной, культурной и повседневной жизни русских крестьян конкретной местности. На основании анализа этого вида источников можно определить размеры наделов крестьян, оборочные статьи за эти наделы, владельцев этих наделов, какие угодья находились в общественном и частном пользовании, суть «старозаимочного» принципа, предметы крестьянских споров по недвижимому имуществу, вовлеченность крестьян в товарно-денежные и кооперативные отношения и т.д. Эти же источники позволяют определить тип семьи (большая или малая) в южнозауральской общине, семейные отношения, роль мужчины и женщины в семье, отношение родителей к воспитанию детей, отношение детей к престарелым родителям, обычно-правовые семейные традиции и семейные поведенческие нормы. В определенной мере решения волостных судов помогают установить культурный уровень развития русских крестьян южнозауральской общины: степень развития грамотности среди сельчан, их активность в общественной жизни деревни, волости, уезда, общепринятые культурные нормы и девиации (пьянство, хулиганство, супружеские измены) среди южнозауральских крестьян.

Как юридический источник решения волостных судов в значительной мере позволяют обозначить уровень правовой культуры южнозауральской общины. По этому источнику в определенной мере можно рассмотреть обычно-правовые традиции русских крестьян Южного Зауралья, соотношение таких традиций с официально-нормативным правом, трансформацию этих традиций под влиянием модернизационных процессов, отношение крестьян и органов общинной власти к таким изменениям. В то же время следует учитывать, что решения волостных судов не дают полной картины правовой культуры южнозауральского крестьянского общества. Как любой источник, решения волостных судов имеют определенные недостатки. Однако ценность этого источника заключается в том, что без него невозможно изучить обычно-правовые традиции русской деревни и, следовательно, реконструировать историческую действительность как отдельного региона, так и России в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895. 140 с.
2. Безгин В.Б. Сельское правосудие и правовые обычаи русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов, 2014. 287 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999.

4. Земцов Л.И. Волостной суд в России в 60-х – первой половине 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж, 2002. 447 с.
5. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов н/Д, 2012. 600 с.
6. Кулачков В.В. Особенности правовой жизни крестьянства западного региона России в первой трети XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2012. № 1 (15), ч. II. С. 108–110.
7. Менщиков И.С. Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 6 (68), ч. I. С. 119–124.
8. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (19 февраля) [№ 36657] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд.-е 1. СПб., 1863. Т. 36.
9. Зарудный М.И. Законы и жизнь. Исследования крестьянских судов. СПб., 1874. 224 с.
10. Духовский М.В. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891. 381 с.
11. Чубинский П.П. Краткий очерк народных юридических обычаев, составленный на основании прилагаемых гражданских решений // Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край снаряженной императорским Русским географическим обществом. СПб., 1872. Т. VI: Народные юридические обычаи по решениям волостных судов. 396 с.
12. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. Курган, 2017. 151 с.
13. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 53.
14. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 719 с.
15. Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 38–58.
16. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 223–237.
17. Миненко Н.А. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь Сибири XVIII – начала XX в. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1978. С. 282–293.
18. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 5.
20. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 255.
21. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 332.
22. Федоров С.Г. Прелюбодеяние, самосуд и обычное право в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 12 (62), ч. II. С. 183–186.
23. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 27.
24. Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1887. 269 с.
25. Государственный архив г. Шадринска (ГАШ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 123.
26. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. 117 с.
27. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. 200 с.
28. ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 203.

Sergey G. Fedorov, Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: serg-georg@mail.ru

MATERIALS OF VOLOST COURTS OF THE SOUTHERN TRANS-URALS REGION AS A HISTORICAL AND LEGAL SOURCE

Keywords: common law, volost court, legal culture, the Southern Trans-Urals community.

The aim of the proposed article is to determine the value of the decisions of volost courts as a historical and legal source. The archive funds of the State Archives of the Kurgan Region (GAKO) and the State Archives of Shadrinsk were used as sources for writing the article, in which the decisions of the volost courts of the Kurgan and Shadrinsk districts were concentrated from the second half of the 19th to the beginning of the 20th century. In the article the author sets the following tasks: to determine the role of volost courts in the legal life of the peasant community, to analyze the main types of offenses and crimes among the Southern Trans-Urals peasantry, to reveal the features and causes of these violations.

Common law was an integral part of the legal culture of the peasantry of Russia, including Siberia, and the Trans-Urals. In the last third of the 19 century, many ethnographers, historians and lawyers paid attention to this, and carefully studied the materials of volost courts, in which there were examples of the application of a common law. Volost courts were the keepers of the common legal traditions of the peasant community, which in each region of Russia had their own characteristics. The article proves that the materials of volost courts have significant historical value. With the help of these materials, it is possible to determine the specifics of the development of the Southern Trans-Urals peasant community. Among such features were: partial exile-settlement nature of its formation, relatively free status in the family and community, lawsuits on cooperative butter-making. Each of these features had its own causes and consequences. Thus, the exile-settlement nature of the formation of the Southern Trans-Urals peasant community practically had no significance at the end of the 19th century as a result of the relocation of borders of exile to the East of Siberia. The emancipation of the Southern Trans-Urals woman due to the demographic situation allowed them to play a rather significant role in the family and the community. The development of butter-making in the Kurgan Uyezd, as a result of favorable economic factors, allowed peasants to leave the sphere of common law relations to the sphere of official and normative law. From a legal point of view, the materials of the decisions of volost courts of the Southern Trans-Ural make it possible to analyze to a certain extent the crime rate in the peasant environment, the types of offenses among peasants, the gradual transformation of customary law under the influence of modernization processes. As a result of the research, the author comes to the following conclusions: the decisions of volost courts are the most important historical and legal source allowing to reconstruct the historical picture of the legal behavior and legal culture of the peasantry, both in a separate region and in the whole of the Russian Empire.

REFERENCES

1. Leontiev, A.A. (1895) *Volostnoy sud i yuridicheskie obychai krest'yan* [The Volost court and legal customs of peasants]. St. Petersburg: N.K. Matynov.
2. Bezgin, V.B. (2014) *Sel'skoe pravosudie i pravovye obychai russkikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Country justice and legal customs of Russian peasants of the second half of the 19th – early 20th century]. Tambov: A.V. Chesnokov.

3. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Imperial Russia (18th – early 20th century)]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
4. Zemstov, L.I. (2002) *Volostnoy sud v Rossii v 60-kh – pervoy poloviny 70-kh godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [The Volost court in Russia in the 1860s – the first half of the 1870s (a case study of the Central Chernozem region)]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Shatkovskaya, T.V. (2012) *Obychnoe pravo rossiyskikh krest'yan vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The common law of Russian peasants of the second half of the 19th – early 20th century]. Rostov-on-the-Don: Palmarium Academic Publishing.
6. Kulachkov, V.V. (2012) Peasantry's legal life features within the western region of Russia in the first third of the XXth century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 1(15). pp. 108–110. (In Russian).
7. Menshchikov, I.S. (2016) Volost court as a keeper of the traditional norms of behaviour in the Russian countryside. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 6(68). Part 1. pp. 119–124.
8. Russia. (1863) Vysochayshe utverzhdennoe Obshchee Polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti. (19 fevralya) [№ 36657] [Highest approved General Regulations on peasants who have left serfdom. (February 19) [No. 36657]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 2(1). Vol. 36. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
9. Zrudnyy, M.I. (1874) *Zakony i zhizn'. Issledovaniya krest'yanskikh sudov* [Laws and life. Studies of peasant courts]. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
10. Dukhovskiy, M.V. (1891) *Imushchestvennyye prostupki po resheniyam volostnykh sudov* [Property misconducts on the decisions of volost courts]. Moscow: M.P. Shchepkin.
11. Chubinsky, P.P. (1872) Kratkiy ocherk narodnykh yuridicheskikh obychev, sostavlennyy na osnovanii prilagaemykh grazhdanskikh resheniy [A short essay on the people's legal customs, compiled on the basis of the enclosed civil decisions]. In: Chubinsky, P.P. et al. *Trudy etnograficheskostatisticheskoy ekspeditsii v zapadno-russkiy kray snaryazhennoy imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom* [Proceedings of the ethnographic-statistical expedition to the West-Russian region equipped with the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 6. St. Petersburg: V. Bezobrazova i K.
12. Menshchikov, I.S. & Fedorov, S.G. (2017) *Volostnye sudy i krest'yanskoe pravosudie v Yuzhnom Zaural'e* [Volost courts and peasant justice in the Southern Trans-Urals]. Kurga: Kurgan State University.
13. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 53.
14. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian community in prison and exile]. St. Petersburg: Tipografiya Morigerovskogo.
15. Kolesnikov, A.D. (1975) Ssylka i zaselenie Sibiri [Exile and settling of Siberia]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XIX v.)* [Exile and Hard Labour in Siberia (the 18th – early 19th century.)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 38–58.
16. Margolis, A.D. (1975) O chislennosti i razmeshchenii ssyl'nykh v Sibiri v kontse XIX v. [On the number and location of exiles in Siberia in the late 19th century]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Ssylka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XIX v.)* [Exile and Hard Labour in Siberia (the 18th – early 19th century.)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 223–237.
17. Minenko, N.A. (1978) O vliyaniy ssylki na semeynuyu zhizn' russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v. [On the influence of the exile on the family life of Russian peasants in Western Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. In: Goryushkin, L.M. (ed.) *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri XVIII – nachala XX v.* [Exile and socio-political life of Siberia in the 18th – early 20th century]. Novosibirsk: Nauka. pp. 282–293.
18. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 3.
19. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 5.
20. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 255.
21. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 332.
22. Fedorov, S.G. (2015) Adultery, lynching and customary law in the Russian and Siberian villages in the second half of the 19th – early 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(62). Part 2. pp. 183–186. (In Russian).
23. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 27.
24. Smirnov, A. (1887) *Ocherki semeynykh otosheniy po obychnomu pravu russkogo naroda* [Essays of family relations by the common law of the Russian people]. Moscow: M. Katkov.
25. The State Archives of Shadrinsk (GASH). Fund 4. List 1. File 123.
26. Kostrov, N. (1876) *Yuridicheskie obychai krest'yan-starozhilov Tomskoy gubernii* [The legal customs of the peasant old-timers in Tomsk province]. Tomsk: Tomskaya Gubernskaya tipografiya
27. Tenishev, V.V. (1907) *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian peasant life]. Bryansk: L.I. Itin i K.
28. The State Archives of Kurgan Region (GAKO). Fund 129. List 1. File 203.